

Обзоры и рецензии * *Reviews*

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.2.07>

Merle Leppik, *Ingerisooime kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine*, Tallinn 1975 (Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut). 226 стр.

Научный сотрудник Института языка и литературы АН ЭССР Мерле Леппик 11 июня 1975 г. представила на заседание Совета по историческим и филологическим наукам Отделения общественных наук АН ЭССР к защите для получения ученой степени кандидата филологических наук исследование на тему «История фонологической системы курголовского финского диалекта в Ингерманландии» объемом 226 стр. Изучению курголовского диалекта, входящего в группу нижнелужских диалектов, принадлежит существенное место в комплексном анализе прибалтийско-финских языков, сохранившихся на территории Ингерманландии.

Актуальность темы обусловлена прежде всего географическим расположением рассматриваемого диалекта. Нет необходимости подчеркивать, что финские диалекты в Ингерманландии занимают особое место в финно-угроведении, так как нигде контакт с другими прибалтийско-финскими и русским языками не был настолько тесным, как в Ленинградской области. В Ингерманландии уже столетия в непосредственном соседстве живут финны, воль, ижора и русские. Би- и трилингвизм способствовал, особенно в последнее время, стиранию границ между этими языками, в результате чего рассматриваемый диалект все больше стал отклоняться от того языка, на котором говорят в Финляндии. Становление фонологической системы курголовского диалекта характеризуется сложными и многогранными процессами, различение которых требует от исследователя глубоких теоретических знаний и хорошей ориентации в обширном исследовательском материале. Забегая вперед, можно сказать, что М. Леппик хорошо справилась со своей задачей: работа осуществлена на твердой методической основе и содержит достоверное обозрение становления фоно-

логической системы курголовского диалекта на базе фонем прибалтийско-финского праязыка.

Исследование состоит из введения, двух глав (консонантизм и вокализм) и выводов. Приводятся резюме на русском и английском языках. В конце работы помещены список использованной литературы с сокращениями и список других сокращений.

В пространном введении (стр. 5—33) автор знакомит с понятиями Ингерманландия и нижнелужские диалекты. К последним относится и курголовский диалект, распространенный на Курголовском п-ве. Схема на стр. 7 дает представление о распространении географически близко расположенных прибалтийско-финских языков, кроме того, здесь выборочно отмечены деревни и населенные пункты вне территории распространения курголовского диалекта. Автор дает обзор более ранних работ, которые прямо или косвенно касаются тематики исследования, и отмечает, что подвергнутый анализу диалектный материал, составляющий основу настоящего исследования, собран автором в ходе экспедиций в 1962—1972 гг. в деревнях Курголовского п-ва. Так как различия между говорами отдельных деревень к настоящему времени нивелировались, М. Леппик считает не обязательным указывать деревню при иллюстративном материале.

При рассмотрении фонологической системы курголовского диалекта М. Леппик исходит из фонем прибалтийско-финского праязыка. По возможности разграничиваются изменения, обусловленные звуковыми законами, и изменения, вызванные другими внутренними факторами развития диалекта (аналогией и т. д.) или влиянием соседних языков и диалектов. Для лучшего понимания материала во введении кратко рассматриваются пред-

полагаемые сегментные фонемы прибалтийско-финского праязыка, а также чередование ступеней, которое, по всей вероятности, носило аллофонический характер в праязыке.

Придерживаясь мнения финских исследователей, автор не считает гласный *e* заднего ряда (*ɛ*) самостоятельной фонемой праязыка. Эта точка зрения, по крайней мере относительно финского языка, не вызывает осложнений и представляется хотя бы даже с практической точки зрения целесообразной. Не вызывает возражений и положение о том, что чередование ступеней в период прибалтийско-финского праязыка было чисто фонетическим явлением, не имевшим еще фонологически релевантного характера. На этих принципах базируется и упрощенная транскрипция, причем, например, чередование ступеней типа **vakka — *vakkan* в ней не отражается: **/vakka/ — */vakkan/*. Такая фонологическая транскрипция в работе достаточно обоснована в отношении не только геминат, но и одинарных смычных, например: **/kota/ — */kotan/*, **/pimetä/ — */pimetän/* и т. д. Все эти случаи аллофонически дефинируемы.

Исходя из новой концепции, автор не проводит резкой границы между чередованием в корне и чередованием в суффиксе. Хотя некоторые группы примеров представились бы намного яснее при проведении такой границы, например на стр. 42 при рассмотрении форм партитива на *-ta* в односложных словах, различие чередований в корне и суффиксе в данном случае представляется целесообразным уже по морфологическим соображениям (ср. стр. 49, где формы партитива в позиции после безударного слога выделяются как особая группа). Рецензент имеет и другие претензии по оформлению, но о них ниже.

Не совсем безупречна следующая формулировка: «Чередование ступеней можно рассматривать как фонологически релевантное явление лишь с тех пор, когда слабоступенные аллофоны геминат совпали с первоначальными одинарными смычными, напр. **[leppä] — *[leppän] > фин. leppä — lerpän»* (стр. 26). Так как здесь имеется в виду не только финский, но и прибалтийско-финские языки вообще, возникает вопрос, как в рамки приведенной формулировки можно поместить чере-

дование ступеней типа *lepp — leppä* в эстонском языке, где *pp* праязыка сохранилось, но чисто фонетическое чередование заменилось чередованием фонем. Действительно ли автор предполагает здесь развитие *pp > p > pp?*

В фонологической структуре курголовского диалекта, включая и заимствованные слова, насчитывается 28 сегментных фонем, причем гласный *i* встречается только в русском заимствовании *riika* 'рынок'. Автор включает *j* в список фонем, отмечая, что *j* в непосредственном соседстве с *i* не реализуется. В отличие от финского литературного языка здесь этот звук не служит носителем фонологической оппозиции в данной позиции и, следовательно, не нуждается в отображении средствами фонологической транскрипции, даже в случае ожидаемой геминации *j*, например, *pai²aa* (парт. от *paja* 'кузница'). Между прочим, М. Лепник подробно анализирует этот вопрос в специальном исследовании (М. Leprik, Soome murrete *j*-iga seotud probleemid. — ETATÜ 1971, стр. 88—102, 192—202). Учитывая слабое и нестабильное произношение звука *j* в курголовском диалекте, можно считать предложенное решение корректным. Возникает только вопрос, нестабильно ли произношение *j* и в позиции между двумя *i* (*i—i*) или же в данной позиции этот звук всегда налицо (хотя бы как переходный); например, *kui²in* (ген. мн. ч. от *kuja* 'двор').

Второстепенное определяется в работе как ударение на третьем и пятом слогах (стр. 33). В финском литературном языке и даже в диалектах второстепенное ударение при кратком третьем слоге легко переходит на четвертый и шестой (*to²ttelema:tom²i:lle* 'непослушным'), однако неясно, как в таких случаях действует второстепенное ударение в курголовском диалекте.

В главе о консонантизме (стр. 34—117), наиболее обширной, описываются фонемы, образовавшиеся от согласных **p, *t, *k, *m, *n, *l, *r, *h, *s, *j, *v* прибалтийско-финского праязыка. Внутриконтонантная классификация произведена на основе позиции согласного (в начале слова, после ударного слога, после слога с второстепенным ударением, после безударного слога, в конце слова). Наряду с от-

дельными согласными рассматриваются геминаты и сочетания согласных. Все это необходимо, целесообразно и во многом соответствует традиционной трактовке фонетики. Анализ материала проведен подробно, последовательно привлекаются сравнительные данные из ближайших диалектов и родственных языков. Все это придает ценность работе и позволяет автору в некоторых случаях уточнять или корректировать соображения предшествующих исследователей. Несомненно, следует считать верным положение о том, что чередование *st : ss* (например, в формах *kasse* 'роса' — *kasteen* (ген. ед. ч.)) возникло под влиянием ижорского языка (стр. 48). Вполне обоснованно и объяснение возникновения сильноступенной формы *etemmäs* 'вперед' под влиянием *pitemmäs* 'дольше', *matokkain* 'червячок, личинка' — под влиянием закономерной формы *tütökkain* 'девочка' (стр. 46) и т. д. Весьма положительно, что автор обращает внимание и на такие фонемы, которые в финском литературном языке отсутствуют, а в курголовском диалекте отсутствуют (например, стр. 41: *pp* в позиции после безударного слога в словах *anoppi* 'свекровь, теща', *ulappa* 'открытое море').

В интересах читателя было бы членение текста при помощи подзаголовков. Разрядка текста их не заменяет. Весьма неудобно, например, на стр. 17 найти отдельные случаи развития фонемы **t*, тем более что тип данной работы не предусматривает регистра. Исходя из интересов читателя, следовало бы в оглавлении выделить подзаголовки по параграфам.

Наглядны и легко читаются описания таких звуковых явлений, которые представлены автором в виде морфологических групп или выделены по какому-либо другому принципу, например, на стр. 49 **[t̥]* > ∅ или на стр. 87, где приведены случаи сохранения *r* в соответствующих сочетаниях согласных. Этот принцип не проводится последовательно и случаи разных сочетаний согласных выявляются в работе лишь при тщательном и кропотливом сравнении примеров, например, на стр. 46, 53, 60 и т. п., а также на стр. 68, где в сочетании с *k* ошибочно вошел и пример сочетания с *t* — *viheltäkää* 'свистите'. Если оглавление было бы более детальным, отклонения от системы оформ-

ления выяснились бы уже в ходе написания работы. Между прочим, приведенный на стр. 95 пример *mustalaiset* с *s* в позиции за слогом с второстепенным ударением не числится среди примеров на *s* точно в том месте, где он должен быть. Возможно, некоторые непоследовательности и утрата наглядности работы вызваны тем, что начальный вариант исследования сильно сокращен.

Рецензент заметил в этой главе еще некоторые мелкие недостатки или неправильные толкования. На стр. 68, ссылаясь на Л. Хакулинен, автор отмечает: «Вероятно, и вопросительная частица *-ko*, *-kö* образовалась из первоначально закрытого слога». По-видимому, здесь произошло недоразумение, так как Л. Хакулинен имеет в виду в указанном месте (L. Hakulinen, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Helsinki 1968, стр. 195) только первоначальную частицу *-ko*, даже в отношении наречий и союзов. При описании эссива на стр. 77 не совсем точно говорить о геминировании *n* (хотя, например, в форме *nuorena* (эссив от *nuori* 'молодой') имеется гемината *nn*), так как прямого развития *n* > *nn* в курголовском диалекте не наблюдается. М. Леппик считает возможным, что в адвербиальных формах эссива *üksinnää* 'он один', *keskennää* 'между собой' имеется дело с остатком присоединения притяжательного суффикса, потерявшего свое первоначальное значение (стр. 79). Этим, по-видимому, все же нельзя объяснить возникновение *nn* в этих словах, так как след более раннего притяжательного суффикса *-hen* > *-hän* еще и сейчас четко различим в конечных гласных этих слов. Вероятно, и здесь мы имеем дело с унификацией типа эссива на *nn* (от слов с согласной основой), в котором сыграл свою роль и эссив типа *kuollunna* 'мертвым'. Последний не учитывается автором исследования при анализе форм эссива на *nn* (стр. 77—78), хотя эта форма встречается в другом месте (стр. 80).

На стр. 104 правильно отмечается, что геминате *vv* в *savvu* 'дым' еще не найдено удовлетворительное объяснение. В курголовском диалекте и, по-видимому, в некоторых других, подтверждается контаминационное развитие: *savu* + *sauhu* = *savvu* (> *savvu*). Эта возможность в работе не учтена. Нельзя согласиться с мне-

нием автора, что конечный согласный *h* утратился во всех финских диалектах (стр. 93). Ряд исследователей отмечает сохранение этого звука в диалекте Йитти и частично в других (см., например, M. Rapola, Suomen kielen äännehistorian luennot, Helsinki 1966, стр. 323; E. Lindén, Kaakkois-Hämeen murteiden äännehistoria I, Helsinki 1942, стр. 130), у последнего имеются даже примеры на передвижение *h* в конец слова, где первоначальным согласным был *k*, например, *päreh* 'щепка'.

В связи с описанием начальных согласных М. Леппик считает, что слова *prikukko*, (*pääsküsen*) *prikut* 'вснушаты, вснушки' по происхождению представляют собой водско-ижорские заимствования (стр. 110). Кажется, что это не совсем так. Существительное *prikka*, *prikku* со своими адвербиальными производными известно и в других финских диалектах (уже в 1642 г. встречается в библии), а также в карельском языке; по данным «Этимологического словаря финского языка» (SKES 620), оно восходит к первоначальной нижненемецкой форме *prick*.

Глава «Вокализм» (стр. 118—184) в основном посвящена анализу становления гласных фонем в порядке **a*, **o*, **u*, **ä*, **ö*, **ü*, **e*, **i*. Сюда условно примыкает разработка слогораздела и ударения в слове. Эта глава тоже содержит множество метких замечаний автора, выводы ее верны и с новыми положениями в большинстве случаев можно согласиться. Безупречен, например, анализ слов на *-us*, где, по мнению автора, теперешний краткий *u* в формах *vanhuven*, *-st* (генитив и элатив от *vanhuus* 'старость') восходит к первоначальной форме с долгим гласным. В качестве доказательства обоснованно приводится форма *pahhuven* с геминированным *h* (стр. 130). Можно согласиться с тем, что тип *takja* 'сладкий', *kipjä* 'больно' возник по аналогии с *karja* 'копыто', *hipjä* 'плоть' (стр. 147). Тип возвратно-транслативного глагола *antiissa* 'расслаблять' детально анализируется и автор приводит дополнительные критерии, заслуживающие внимания, к существующим трактовкам возникновения *ii* в курголовском диалекте. Примеры, приведенные для доказательства сильной степени множественного числа на *i*, показывают, что они относятся к генитиву множествен-

ного числа, а не к партитиву, как считают некоторые исследователи более раннего времени (стр. 158). Глубоко обоснована и ясна трактовка дифтонгов.

Некоторые вопросы могут возникнуть при внимательном чтении и здесь. Первоначальные формы сложных слов **senenmoinen* и **tämänlainen*, предполагаемые М. Леппик для объяснения дифтонга в вариантах *semmoin*, *tällain* 'этакий, такой' (стр. 164), не соответствуют действительности. Исходить следует все же из форм *sen + moinen* и *tän + la(j)inen*, которые представляют собой сложные слова, а ввиду того на второй слог падает ударение сильнее обычного и дифтонг сохраняется. Наряду с последними можно встретить и ожидаемые формы *semmonne*, *tällane*. Пример *korentoin* (генитив мн. ч. от *korenta* 'коромысло'), приведенный на стр. 161, не подчиняется вышеуказанному правилу (дифтонг в том случае, когда гласному основы предшествует гемината). Здесь следовало бы включить в правило и сочетания согласных и указать хотя бы на одну грамматику финского литературного языка (A. Penttilä, Suomen kielioppi, Porvoo—Helsinki 1963 и др.).

Автор показывает развитие форм партитива множественного числа в виде *koirii* < *koirija* < *koirita* (партитив мн. ч. от *koira* 'собака'). Без дополнительных объяснений такое описание можно считать в некотором смысле дезориентирующим, так как *j* является не прямым посредником дентального спиранта, а переходным звуком (в некоторой степени даже аналогичным, ср. *koirija:ni* 'моих собак', где встречается притяжательный суффикс под второстепенным ударением, или **jalkoi-ta* > *jalkoja* с первоначальным дифтонгом, где *i* > *j*). Но весьма уместны и верны следующие за этим рассуждения автора об отсутствии геминации в типе *munii* (партитив от *muna* 'картофель'), причиной которого считается поздняя утрата конечных звуков.

При сравнении слов типа *vaahtera* 'клен', *vaahto* 'пена' с долгим гласным, типичных для восточнофинских диалектов, с водскими словами (стр. 172) следовало бы отметить, что в водском языке долгий гласный сократился перед звуком *h*. Это явление, между прочим, свойственно и эстонскому языку, например, **maahan* > вод. *mahā* (*sē*), эст. *maha* 'вниз'.

Сравнений с эстонским языком в работе в общем не приведено, но в случае параллелизма в звуковых развитиях можно было бы привести, уместны были бы и некоторые примеры из эстонского языка, например, на стр. 36, где наряду с водским партитивом *ovessa* можно было бы привести соответствующую эстонскую форму (*h*)*õst*, в которой *v* утратился. Рассматривая формы *hepoist* ~ *hevost* в курголовском диалекте, не целесообразно говорить о смешении ступеней, так как здесь имеется дело с двумя первоначально самостоятельными типами (в первом *p* сохранился во всей парадигме).

В выводах (стр. 185—197) автор в сжатой форме излагает явления, характерные для курголовского диалекта, в сравнении с западно- и восточнофинскими диалектами и отдельно с сяккиярвским диалектом. С последним курголовский диалект имеет много общего, и, по всей видимости, население Курголовского п-ва когда-то переселилось с территории распространения бывшего сяккиярвского диалекта. Различия курголовского и эврейских диалектов, имеющих совсем иное происхождение, находят в работе обобщающее толкование. Отдельно рассматриваются и влияния водского, ижорского и русского языков, которые привели к существенным изменениям в первоначаль-

ном сяккиярвском диалекте. Отсутствие в курголовском диалекте формы множественного числа на *-loi* без комментариев может оставить одностороннее впечатление, будто такие формы не существуют в диалекте только из-за распространения сильноступенных форм множественного числа на *-i* (стр. 187). Здесь уместно было бы отметить, что формы множественного числа на *-loi* неизвестны и в сяккиярвском диалекте, откуда происходит теперешний узус (т. е. сильноступенные формы множественного числа).

Список литературы, занимающий 12 стр. (214—225), содержит все необходимое. Добавить можно было бы лишь исследование Ю. Мягисте «*oi-, ei-*deminutiivid läänemeresoome keelis» (Tartu 1928) и работу Т. Сяккя «*Hämerensuomalaisten kielten eksessiivi*» (Helsinki 1969), последняя могла быть использована при анализе типа *üksinnää*.

М. Леппик в своей диссертации показала, что кроме знания курголовского диалекта Ингерманландии, она хорошо ориентируется в проблематике фонологии других финских диалектов.

В результате многолетней трудоемкой работы исследование финских диалектов пополнилось ценным трудом, посвященным малоизученному до сих пор диалекту.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

И. Г. Иванов, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1975. 256 SS.

Ivan (im Marischen Jövan) Ivanov ist ein begabter junger marischer Gelehrter. Als Erforscher seiner Muttersprache, ihrer Struktur, ihrer Dialekte und der Geschichte der marischen Schriftsprache hat er sich sowohl unter den sowjetischen als auch unter den ausländischen Finnougristen einen Namen gemacht. In den letzten Jahren hat er sich hauptsächlich gerade mit dem Wesen und dem Schicksal der marischen Schriftsprache beschäftigt. Als Ergebnis seiner wissenschaftlichen Untersuchungen hat er eine Monographie über die Geschichte der marischen Schriftsprache «История марийского литературного языка» veröffentlicht. Diese Monographie ist ein sehr beachtenswertes Werk. Wir haben daher allen Grund,

dieses Werk dem für Finnougristik sich interessierenden internationalen Leserpublikum vorzustellen.

Im einleitenden Teil des Werkes behandelt I. Ivanov allgemeine, das Wesen der Schriftsprache betreffende Fragen. Das war notwendig, da man sich in der Linguistik, besonders aber gerade in der marischen Sprachwissenschaft nicht immer darüber im klaren war, was man eigentlich unter Schriftsprache zu verstehen hat und wovon sie ihren Anfang nimmt. I. Ivanov weist richtig darauf hin, daß die Schriftsprache nicht irgendeine Kunstsprache ist, sondern ihrem Wesen nach eine ebensolche Umgangssprache des Volkes ist wie jeder beliebige Dialekt. Die Schrift-